

1855–1894

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ИМПЕРАТОРОВ АЛЕКСАНДРА II
И АЛЕКСАНДРА III

УДК 327(470)
ББК 66.3(2)51–6
А11

Рецензенты:

д.и.н. В. М. Безотосный
(Государственный исторический музей, Москва);
д.и.н., проф. В. В. Дегоев (МГИМО(У) МИД РФ);
д.и.н., проф. Д. Ливен (Тринити-колледж, Кембридж);
д.и.н., проф. Б. Меннинг (университет Канзаса);
д.и.н., проф. Д. Схиммелпенник ван дер Ойе
(университет Брока, Сент-Катарин);
д.и.н. А. Л. Шемякин (Институт славяноведения РАН);
к.и.н., доц. М. М. Шевченко (МГУ имени М. В. Ломоносова).

Под общей редакцией к.и.н. М. А. Колерова

Айрапетов О. Р.

А11 История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. — М.: Кучково поле, 2018. — 904 с.

ISBN 978-5-9950-0847-7
ISBN 978-5-9950-0905-4 (т. 3)

Обобщающий труд известного ученого предлагает системную версию основных внешнеполитических событий истории Российской империи XIX — начала XX вв. Третий том посвящен внешней политике Александра II и Александра III. Издание основано на многочисленных первоисточниках, снабжено научным аппаратом и именованным указателем.

УДК 327(470)
ББК 66.3(2)51–6

ISBN 978-5-9950-0847-7
ISBN 978-5-9950-0905-4 (т. 3)

© Айрапетов О. Р., текст, 2018
© ООО «Кучково поле», макет,
издание, 2018

Содержание

Внешняя политика императора Александра II. 1855–1881

Завершение Крымской войны. Парижский мир	10
Париж и Петербург: сближение без доверия	58
Дальний Восток во внешней политике России.	65
Русско-французский союз 1859 года: дружба по необходимости	76
Русско-французский союз и его последствия на Балканах	93
Положение в Царстве Польском	96
Восстание 1863–1864 годов и его ближайшие последствия	119
Продажа Аляски. Начало сближения с Пруссией	194
Решающие годы: 1866–1868.....	206

Последняя война за объединение Германии: выбор Петербурга.	228
Конец Крымской системы и отмена ограничительных статей.	247
Туркестанское направление в 1852–1875 годах.	253
Военная тревога 1875 года	285
Положение на Балканах в 1860–1870-е годы.	294
Восточный кризис 1875–1877 годов	298
Русско-турецкая война 1877–1878 годов	371
После Сан-Стефано	493
После Берлина.	514
Туркестанское направление в 1879–1881 годах.	532
Внешняя политика императора Александра III. 1881–1894	
Новые задачи внешней политики России	556
Русско-австрийские противоречия на Балканах	559
1879–1885 годы: от Балкан до Кушки.	563
Болгарский кризис 1885–1886 годов	592
1886–1887 годы: политика и стратегия	631

1888–1891 годы: на пути к союзу с Францией	647
Русско-французский союз: вынужденное сближение	657
Дальний Восток	666
Примечания	682
Именной указатель	879

1855–1881

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Завершение Крымской войны. Парижский мир

Под Севастополем продолжались ежедневные тяжелые позиционные бои, 7 (19) марта 1855 г. на Малаховом кургане был убит контр-адмирал В. И. Истомина¹. Переговоры в Вене зашли в тупик, Россия согласилась с требованием относительно свободы навигации по Дунаю и с изменением режима покровительства над Дунайскими княжествами, но категорически отказывалась принимать остальные требования союзников, которые включали в себя не только уничтожение укреплений и верфей Севастополя и других русских прибрежных крепостей, ограничение русских военно-морских сил на Черном море, но и размещение союзных военных кораблей в устье Дуная и Босфоре, назначение консулов во все основные южные порты России для наблюдения за ними, предоставление султану права допуска союзных флотов в Черное море в тех случаях, когда он сочтет их присутствие необходимым. При этом Россия должна была отказаться от права отправки своих судов в Средиземное море².

Теперь уже союзники решили перейти к действиям, чтобы дать своей дипломатии в столице Австрии дополнительные козыри. Союзники также укрепили свой осадный парк: французы имели 393, англичане — 148 орудий. Численное преимущество противника усиливалось и превосходством в огнестрельных запасах. С установлением надежной навигации на Черном море противник начал преодолевать кризис снабжения. К началу бомбардировки англо-французы имели в среднем по 600 выстрелов на пушку, по 500 на мортиру и по 400 на гаубицу. С ноября 1854 г. количество русских орудий на оборонительных позициях тоже значительно увеличилось. Теперь против батарей противника могли быть использованы 466 орудий, и 532 орудия были предназначены для фланговой, тыльной и внутренней обороны укреплений.

С другой стороны, весенняя распутица значительно осложнила русское снабжение, и в Севастополе имелось в среднем по 300 зарядов на орудие³.

В условиях зарядного кризиса и в ожидании штурма командующий русской артиллерией распорядился ограничить расход боеприпасов пятью выстрелами в сутки на орудие, имея в неприкосновенном запасе по 40 выстрелов на орудие⁴. Противник вел обстрел днем и ночью, выстрелы орудий, по словам переживших это, слились в один сплошной вой. Экономия в выстрелах остро чувствовалась гарнизоном⁵. Только в течение первых суток обстрела французы выпустили около 30 тыс., а англичане — около 4 тыс. снарядов, на что гарнизон ответил им 12 тыс. артиллерийских выстрелов. Всего же за время бомбардировки приблизительно на 160 тыс. выстрелов противника русские войска ответили 80 тыс. выстрелов. В ходе обстрела французы потеряли 1585 человек, англичане — 265 человек, общие потери гарнизона составили 6130 человек⁶. Гарнизон, постоянно готовившийся к отражению атаки, вынужден был держать пехоту на укреплениях.

Решительных результатов союзники так и не достигли. Были подбиты 15 русских орудий, 13 станков, повреждены 23 платформы, завалены 122 амбразуры. Тем не менее к концу бомбардировки положение Севастополя стало угрожающим. Причиной тому была нехватка пороха. К 31 марта (12 апреля) на некоторых русских батареях осталось не более 75 зарядов, на складе гарнизона хранились 4726 пудов пороха, в то время как ежедневно расходовались 2200 пудов. Только к 8 (20) апреля ожидался подход транспорта с 9800 пудами пороха, что могло исправить ситуацию лишь на время. К 3 (15) апреля порох на складах начали доставать даже из ружейных патронов, и все равно запас равнялся 85 тыс. выстрелов, то есть приблизительно только по 190 выстрелов на орудие. Исключая неприкосновенный запас в 50 зарядов на орудие, который артиллеристы должны были сохранить на случай штурма, этого хватило бы ненадолго — максимум на семь дней. 3 (15) апреля М. Д. Горчаков был готов отдать приказ совершенно прекратить стрельбы и ждать атаки неприятеля⁷.

В ходе заседаний конференции в Вене переговоры медленно, но верно заходили в тупик. Член австрийской делегации в личном разговоре с князем А. М. Горчаковым сказал: «Утомленные затруднениями в Крыму, союзники всегда будут видеть в Севастополе и вашем черноморском флоте постоянную угрозу и опасение относительно Босфора»⁸. 29 марта (10 апреля) К. В. Нессельроде подтвердил в ноте на имя русского посла в Австрии отказ от требований союзников в отношении

уничтожения Черноморского флота. Получив этот документ, 4 (16) апреля А. М. Горчаков немедленно известил о нем К. Ф. фон Буоля. Надежды на успех конференции, таким образом, провалились⁹.

Уже в ходе ее работы французы активизировали свои действия по окончательному включению Австрии в коалицию. В Париже хорошо понимали, что достичь реализации программы «Четырех пунктов» возможно только при условии полной дипломатической, а в случае необходимости и военной поддержки Дунайской монархии. Ради этого Э. Друен де Люис был готов пойти на уступку (или редакцию) союзной позиции и предложить нейтрализацию Черного моря. Эта инновация вызвала раздражение в Лондоне, но весьма понравилась К. Ф. фон Буолю¹⁰. В Петербурге настороженно следили за реакцией Вены, в очередной раз ожидая ее выступления и надеясь на то, что Берлин сохранит свой нейтралитет¹¹. Это, безусловно, сказалось на положении под Севастополем.

5 (17) апреля 1855 г. император написал главнокомандующему Крымской армией: «О пополнении Ваших пороховых запасов все распоряжения по мере возможности делаются; что же касается *новых подкреплений*, то кроме маршевых батальонов из резервных бригад 10-й и 12-й дивизий и передвижения одной из двенадцатибатальонных дивизий Лидерса *не нахожу решительно покуда никакого средства другим чем-либо Вас усилить*. Впоследствии, когда Курское ополчение окончательно будет сформировано, то оно будет к Вам направлено. Оголять более Лидерса при могущей угрожать ему опасности как от десанта у Николаева и Одессы, так и со стороны княжеств *считаю невозможным*. *Все остальные войска слишком отдалены от Крыма, чтобы вовремя туда поспеть*. К тому надобно еще присовокупить, что переговоры венские, как кажется, *вместо мира будут иметь результатом войну с Австрией*. Предложения союзников таковы, что мы их принять не можем. Завтра должно решиться положение Австрии, последняя надежда Горчакова (то есть князя Александра Михайловича. — О. А.) была на аудиенцию у императора. Я же со своей стороны, как давно Вам писал, ожидаю худшего, то есть разрыва с Австрией. Следовательно, *будущая неделя будет для нас решительная* (везде выделено Александром II. — О. А.) на всех пунктах империи»¹².

Эти опасения императора не оправдались, но в мае в Крым стали прибывать французский резервный корпус, насчитывавший около 25 тыс. человек, и 15-тысячный сардинский корпус. Численность союзников на полуострове в начале мая 1855 г. составила: 113 тыс. французов¹³, 60 тыс. турок, 25 тыс. англичан и 15 тыс. сар-

динцев. Наполеон III предложил воспользоваться этим и начать активные действия в поле, ограничившись лишь наблюдением за Севастополем. Для этого предлагалось оставить у города одну армию и сформировать еще две — англо-турецкую и англо-сардино-турецкую — для самостоятельных действий в направлении Симферополя и Бахчисарая. В случае успеха этого плана он мог привести к окружению русской армии или полному контролю над русскими коммуникациями, ведущими к Севастополю, его блокаде и в итоге капитуляции гарнизона. К маю 1855 г. численность союзных армий увеличилась в количественном и качественном отношении: 120 тыс. французов, 55 тыс. турок, 32 тыс. англичан и 17 тыс. сардинцев — всего 224 тыс. человек. Тем не менее рисковать наступлением вглубь полуострова они так и не решились¹⁴.

Крымская армия под командованием генерала князя М. Д. Горчакова в начале мая 1855 г. получила подкрепление из Бессарабии — 6-ю и 9-ю пехотные дивизии. В результате в составе русских войск в Крыму числились 153,25 батальона, 110 эскадронов, 84 сотни. Численность армии достигла 110 тыс. человек при 442 полевых орудиях. Весьма важным было и то, что армия после бомбардировки Севастополя получила 27 тыс. пудов пороха и более 2 млн патронов, что позволило преодолеть наметившийся кризис в снабжении боеприпасами¹⁵. Имея превосходство на суше и доминируя на море, союзники не отличились ни результатами, ни активностью своих действий. Наполеон III, раздраженный затянувшейся осадой, сменил главнокомандующего своей армией в Крыму. 16 мая генерал Ф. Канробер подал просьбу об увольнении с этого поста, и 19 мая французскую армию возглавил генерал Ж. Пелисье¹⁶. Перед ним была поставлена задача ускорить завершение осады, от благополучного исхода которой зависело будущее режима Второй империи.

25–26 мая (6–7 июня) союзники атаковали передовые русские оборонительные позиции. Интенсивность обстрела была исключительно высокой, однако русские укрепления отвечали огнем на огонь. Заставить их замолчать англо-французам не удалось¹⁷. На участке штурма они имели 40 тыс. солдат и офицеров против 16 тыс. русских. В результате французы, потеряв убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести 276 офицеров и 5554 солдата, овладели Камчатским люнетом, Волынским и Селенгинским редутами, прикрывавшими подступы к Малахову кургану — ключевой позиции обороны Севастополя. Потери англичан были гораздо более скромными — около 500 человек, но особых успехов они не имели. При отражении штурма общие потери русской армии составили 5449 человек¹⁸. После этого М. Д. Горчаков

уже ни на что не надеялся. 27 мая (8 июня) он писал императору: «Теперь я думаю об одном только: как оставить Севастополь, не понеся непомерного, более 20 тыс. урона. О кораблях и артиллерии даже помышлять нельзя, чтобы их спасти. Ужас подумать!»¹⁹

Практически одновременно союзники подготовили экспедицию в восточную часть Крыма. Он был чрезвычайно слабо прикрыт войсками: на всем пространстве от Феодосии до Керчи насчитывалось 189 офицеров, 8503 строевых и 158 нестроевых нижних чинов, из них для обороны Керчи были выделены 47 офицеров и 2584 строевых и 48 нестроевых нижних чинов. К северу войска практически отсутствовали: за побережьем наблюдали пикеты четырех донских казачьих полков²⁰. Французская эскадра в составе 24 паровых судов, в том числе трех линейных кораблей, семи фрегатов и семи корветов, и английская эскадра в составе шести линейных кораблей и 27 паровых судов разного класса взяли на борт французскую дивизию, насчитывавшую 7 тыс. человек с 18 орудиями, английскую бригаду в составе 3 тыс. человек с шестью орудиями и около 5 тыс. турок. 12 (24) мая они высадили десант под Керчью²¹.

Поначалу эскадра расположилась дугой перед городом, и публика по непонятной причине вышла на набережную посмотреть на необычное зрелище. Две паровые французские лодки обстреляли людей разрывными снарядами. Началась паника²². Немногочисленный русский гарнизон не мог рассчитывать на успешное сопротивление и покинул город, предварительно уничтожив склады продовольствия и фуража. Из 12 тыс. жителей вслед за войсками ушли 10 тыс. На отступавших гражданских нападали татары, которые устроили резню женщин и детей. 13 (25) мая союзники вошли в Керчь и подвергли ее грабежу и насилию. Особенно зверствовали турки, устроившие при покровительстве англо-французов резню оставшемуся русскому населению²³. «Наши моряки, — гласила английская версия событий, — едва ли думали, что им можно было ожидать столь важного успеха без всякой потери; союзники же наши желали более трудной победы и старались вознаградить себя за такую необычайность грабежом и истреблением. Им усердно помогало в этом деле, с одной стороны, само население, которое, не имея привязанности к русским, уничтожало с радостью все, что им принадлежало. С другой стороны, турки, которые превосходили в жестокости и тех и других, часто совершали убийства единственно из жажды крови»²⁴.

Солдаты разгромили местный музей, были разбиты античные статуи и вазы, на мраморных основаниях оставлены граффити шты-

ками²⁵. Грабили союзники и тяжелораненых и больных солдат, которых невозможно было эвакуировать. Их оставили с медицинским персоналом, запасом продовольствия и медикаментов, а также письмом к союзному командованию, которое не возымело никакого действия²⁶. Грабежу были подвергнуты даже кладбища: разрывались могилы, выбрасывались тела покойников, над мертвыми глумились. Английское командование не вмешивалось, турецкое обвиняло в изуверствах своих союзников-англичан²⁷, французы занялись раскопками античных памятников для музеев Парижа²⁸.

Войдя в Азовское море, 15 (27) мая союзные эскадры сожгли абсолютно беззащитный Бердянск, уничтожив склады с 40 тыс. четвертей пшеницы и все суда, включая рыбацкие лодки. 16 (28) мая та же судьба постигла Геническ. 22 мая (3 июня) союзники обстреляли Таганрог, но абсолютное большинство его жителей накануне атаки покинуло город. Попытка высадить десант была отражена гарнизоном, не имевшим орудий. Воспользовавшись этим, англо-французы несколько часов расстреливали с моря склады, церкви, частные дома и госпитали, после чего удалились. Противник все же потерял один пароход, который сел на мель и был сожжен. 24 мая (5 июня) практически та же история повторилась у Мариуполя²⁹.

Вторжение противника в море, которое до этого использовалось в качестве внутренней коммуникационной линии русской армии, нанесло серьезный удар по снабжению русских войск в Крыму. В Керчи были уничтожены значительные склады муки и зерна — примерно двухмесячный запас продовольствия для 100-тысячной армии³⁰. Англо-французы захватили около 12 тыс. тонн угля³¹. После экспедиции в Азовское море союзники отвели свои основные силы назад, оставив в Керчи 6 тыс. турок, один английский и один французский полки, а также несколько легких судов, которые боролись с русской торговлей и рыболовством³². Под влиянием этих успехов противника принято решение вывести гарнизоны из Новороссийска и Анапы. Крепости были оставлены 17 (29) мая и 28 мая (9 июня). В Анапу немедленно введен восьмитысячный турецкий гарнизон³³.

Активность неприятеля вызывала весьма обоснованные опасения у молодого императора, требовавшего от М. Д. Горчакова любой ценой удержать Крым. Ради этого он разрешал передвинуть Южную армию генерала А. Н. Лидерса к Перекопу и даже за него³⁴. Александр II считал, что «лучше рисковать временно жертвовать Бессарабией, чем потерять Крымский полуостров, обратное овладение которым будет слишком затруднительно или даже невозможно»³⁵. 5 (17) июня 1855 г.

Новые задачи внешней политики России

После убийства Александра II 1 (13) марта 1881 г. на престол взошел император Александр III. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. новый император считал сохранение мира для России основным приоритетом своей внешней политики. В циркуляре русского МИДа от 4 (16) марта 1881 г. было сказано: «Вступая на прародительский престол, Государь Император наследует предания, освященные временем, деяниями предшественников, трудами и кровью поколений создавших русское государство. Его Величество принимает во всей целостности это славное наследство и вменяет себе в первейший долг передать его неприкосновенным его преемникам. Россия, подобно всем другим государствам, должна была для своего образования выдержать борьбу, которая закалила ее силы и ее народный дух. Ныне она достигла своего естественного развития; ей нечего желать, нечего домогаться от кого бы то ни было; ей остается лишь упрочивать свое положение, охранять себя от внешней опасности и развивать внутренние силы, нравственные и вещественные, накапливая запасы средств и умножая свое благосостояние. Такова задача, которую предначертал себе Государь Император. Его Величество принял решение не уклоняться от ее выполнения по каким бы то ни было соображениям. Государь посвятит свои силы прежде всего внутренней деятельности, которой требуют развитие гражданской жизни, интересы экономические и социальные, составляющие в настоящее время главный предмет забот всех правительств. Внешняя политика Его Величества будет миролюбивой по существу. Россия останется верна державам, с которыми связывают ее издавна установившиеся дружба и сочувствие, и будет отвечать взаимством на добрые отношения к ней всех государств. Не отказываясь от принадлежащего ей места

среди держав, не оставляя забот о поддержании политического равновесия, насколько от него зависят русские интересы, Россия полагает, что ее цели тесно связаны с всеобщим миром, основанном на уважении к праву и к договорам. Прежде всего она должна заботиться о себе самой и не оставлять своей внутренней заботы иначе как для защиты своей чести и безопасности. Государь Император ставит себе целью сделать Россию мощной и преуспевающей ей во благо и не во зло другим. Таковы начала, которые Государь принимает за неизменные правила своей политики»¹.

Свое личное кредо во внешней политике Александр III изложил в резолюции от 25 апреля (7 мая) 1881 г. на донесении русского посла в Берлине П. А. Сабурова: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего все, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться (от фр. *se gêner* — стесняться. — О. А.) для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно»². Эти свои взгляды Александр III довольно последовательно и проводил в жизнь. После увольнения престарелого А. М. Горчакова от управления МИДом министерство 28 марта (9 апреля) 1882 г. возглавил Н. К. Гирс, с 1875 г. являвшийся товарищем министра иностранных дел и фактически заменявший его после Берлинского конгресса.

Положение России было тяжелым. Финансовый 1880 г. был закрыт со значительным дефицитом. При общем доходе в 615 016 683 рубля расходы составили 694 505 313 рублей. Дефицит достиг огромной суммы — 43 488 630 рублей³. Недостача покрывалась эмиссией, что привело к масштабной инфляции. Постоянно рос государственный долг⁴. Самым тяжелым бременем государственного бюджета были военные расходы. С 1876 по 1882 г. они составили гигантскую сумму в 1075,4 млн рублей, в 1876–1879 гг. было заключено пять внешних займов на сумму 917,1 млн рублей, государственный долг страны увеличился с 4,452 до 6,036 млн рублей (включая займы, гарантированные акции и облигации железных дорог, а также беспроцентную задолженность казначейства по выпуску кредитных билетов)⁵. Новый министр финансов Н. Х. Бунге постоянно повторял, что русские финансы не выдержат новой войны. Он последовательно проводил политику государственной экономии. С 1881 по 1884 г. втрое были сокращены сверхсметные ассигнования⁶. Развитие страны требовало обеспечения внешнеполитической стабильности. В 80-х гг. XIX в. это означало дружественные отношения с Берлином.

Не испытывая никаких симпатий к Германии, император все же весьма дорожил союзом с ней. После долгих и сложных переговоров

Россия, Германия и Австро-Венгрия пошли на заключение 6 (18) июня 1881 г. в Берлине договора о нейтралитете. Подобно консультативному пакту 1873 г., он также получил название Союза трех императоров, хотя и не являлся союзом в подлинном смысле этого слова. Каждая из сторон имела основания опасаться конфликта, если ее поддержит третья держава: Австро-Венгрия — с Италией, Россия — с Великобританией, Германия — с Францией. Кроме того, каждая из сторон опасалась партнера по переговорам и нуждалась в соглашении с ним. В результате Вена, Петербург и Берлин обязались соблюдать нейтралитет в случае нападения четвертой державы, а все вместе — следить за соблюдением принципа закрытости Черноморских проливов Турцией⁷.

Последнее положение было особенно важным для России, так как давало ей гарантию от проникновения британского флота в Черное море. Обязательство благожелательного нейтралитета было распространено и на случай конфликта одной из трех стран с Турцией, но при условии предварительной договоренности между ними по вопросу о результате войны. Дав гарантию благожелательного нейтралитета России в случае конфликта с Англией, О. фон Бисмарк добился дальнейшей международной изоляции Франции в Европе. Своей цели достигала и Австро-Венгрия, так как Петербург обязался уважать ее интересы на Балканах. Под последним, конечно, прежде всего имелась в виду территория Боснии и Герцеговины: за Австро-Венгрией сохранялось право аннексировать эти две провинции «в момент, который найдет для этого подходящим». При этом Россия категорически отказалась признать право Дунайской монархии на аннексию Ново-Базарского санджака. Все три державы признали, «что возможность оккупации Восточной Румелии или Балкан представила бы большую опасность для всеобщего мира», и обязывались приложить все усилия, чтобы убедить Турцию воздержаться от таких действий. Кроме того, Вена, Берлин и Петербург согласились не противиться возможному соединению Болгарии и Восточной Румелии в пределах границ, указанных Берлинским конгрессом. При этом особо оговаривалось, что три державы намерены «отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям, именно Македонии, и объявить им, что в подобном случае они действовали бы на свой риск»⁸.

Для русской политики на Балканах это были неплохие результаты, но интересы Вены шли гораздо далее границ этих провинций, тем более что для эффективного контроля над ними Габсбургам необходимо было подчинить своему влиянию и Сербию. Однако Александр III не собирался ставить их под угрозу. 5 (17) февраля 1882 г.

М. Д. Скобелев, находившийся тогда в Париже, выступил перед сербскими студентами с очень резкой речью⁹. Генерал подверг горячей критике германизм, высказался в пользу союза с Францией и заявил о том, что «борьба между славянством и тевтонами неизбежна» и что в «очень близкой», «длительной, кровавой и ужасной» войне Сербия и Черногория не будут одиноки¹⁰. Он был немедленно отозван в Россию по высочайшему повелению. При этом генералу было приказано вернуться домой через Голландию и Швецию, чтобы избежать проезда через территорию Германии и возможных эксцессов. Бурная и единодушная поначалу поддержка парижской речи М. Д. Скобелева со стороны общественного мнения Франции была проигнорирована Петербургом. Там явно исходили из того, что обострение отношений с Берлином и Веной было бы полезным исключительно для Парижа¹¹. Впрочем, французские власти и сами были не рады этому проявлению симпатий к своей стране. Посол республики в Германии заверил кайзера, что эта «непредвиденная манифестация генерала Скобелева была принята в Париже с холодностью, чтобы не сказать с осуждением». Вильгельм I был доволен и этими объяснениями, и сдержанностью французской печати¹².

Русско-австрийские противоречия на Балканах

Княжество Сербия было серьезно ослаблено войной, в нем нарастало недовольство ее результатами и прежде всего территориальными и политическими амбициями Болгарии, которую поддерживала Россия. В результате Сербия начала уходить в сферу влияния Австро-Венгрии. 8 июля 1878 г. Йован Ристич подписал конвенцию, которая предоставила Дунайской монархии право железнодорожного строительства в Сербии. Для начала предполагалось построить линию Белград — Ниш — Вранье, соединив ее с системой венгерских железных дорог через Савский мост и Землин. Дипломатический представитель Великобритании в Белграде охарактеризовал подписание этого документа как «первый шаг Австро-Венгрии к аннексии Сербии»¹. В октябре 1880 г. правительство княжества возглавил Милутин Гарашанин. К власти пришли либералы-прогрессисты, получившие образование в Европе, в основном во Франции, которые взяли курс на европеизацию Сербии.